

* * *

Пером и кистью по зиме
Поземка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебруются в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Пыхтит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

Звездам нет счета, бездне — дна.
От белой зависти немею,
И все же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман не спеша.
Еще две недели — и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Еще две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,

И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдет нереститься в луга.

И ветер с Невы — как глоток Vana Tallina! —
Гортань обожжет... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идет, а тянется, как мед.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Его пра-пра-пра — пра... мурлыкал фараонам,
Он по-кошачьи мудр, он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чем поют метелки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь — зачем течет река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь — проснулся сторожок!
(Должно быть, крупный лец польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Он сам себя подсек!
Я вывожу его... как краля, на тропинку.

И вот он — золотой! Наверно, в два кило!
Танцует на песке последний в жизни танец...
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на ее щеках — предутренный румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
И лец — пошел, пошел, качаясь с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер теплый — сладок.

* * *

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракиит купало лето
Кувшинки желтые в пруду.

Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши чуть слышно пели,
И подпевать хотелось мне.

Звенел комарик у виска
О чем-то бесконечно важном...
И это было не однажды,
И те же плыли облака...

Упало яблоко — пора —
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

ПОЭЗИЯ

От сердца к сердцу, от любви к любви,
До самых-самых беззащитных — нас!
Сквозь жизнь и смерть, сквозь властный голос крови,
В урочный или неурочный час,
Листвой опавшей, первую травую —
Нас властно отделяя от других,
Доходит и хватает за живое...
И сторонятся мертвые живых!

* * *

Когда лязгнет металл о металл и вселенная вскрикнет от боли,
Когда в трещинах черных такыров, словно кровь, запечется вода, —
Берега прибалхашских озер заискрятся кристаллами соли
И затмит ослабевшее солнце ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней, и запахнет овчиной прогорклой,
И гортанная речь заклокочет, и в степи разгорятся костры, —
И проснешься в холодном поту на кушетке под книжною полкой,
И поймешь, что твои сновиденья осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт — Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...» (или был он с похмелья неправ?)
Хоть до крови губу закуси — никуда от себя не ускачешь,
Если разум твой крепко настоян на взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей до Последнего самого моря,
От резных минаретов Хорезма до Великой китайской стены —
Доскачи, дошагай, доползи, растворяясь в бескрайнем просторе,
И опять выходи на дорогу под присмотром подружки луны.

Вспомни горечь полыни во рту и дурманящий запах ямшана,
И вдохни полной грудью щемящий синеватый дымок кизяка,
И сорви беззащитный тюльпан, что раскрылся, как свежая рана,
На вселенском пути каравана, увозящего вдаль облака...

Черемуховый обморок. Безумье соловья.
 Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
 Скучают во дворе веревки для белья,
 И, кажется, земля волнуется и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам пробежал
 И в спешке обронил роскошный куст сирени...
 Он долго на ветру качался и дрожал,
 Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись нагрянули скворцы,
 Снуют туда-сюда... И важные такие...
 И тотчас воробьи — на что уж храбрецы! —
 Расстроили свои порядки боевые.

И, кажется, что зла на свете вовсе нет,
 Зато добра вокруг — невыпитое море:
 И от костра дымок, и яблоневый цвет,
 И соло василька в большом цветочном хоре!

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
 После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
 Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
 Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
 Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
 А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
 И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот
 И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
 Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
 И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает...

* * *

Ты жил в тепле с красивой женой.
 Я выживал наперекор судьбе.
 Ты много лет смеялся надо мной.
 А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
 Я научился терпеливо ждать.
 Ты бросил дом, когда пришли враги.
 А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь земной.
Я все тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь надо мной —
Я тень твоя, а солнце высоко...

* * *

На озерах ноябрь вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая рукам лицо.

Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться, —
Темно-синяя грусть затопила с утра целый свет —
Перелетные птицы смогли на нее опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

* * *

Дождь походкой гуляки прошелся по облаку,
А потом снизошел до игры на губе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку,
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень,
С разметавшейся гривой роскошных волос,
Ради музыки этой безжалостно бросил,
Чтоб какой-то дурак подобрал и унес?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в выдавшее виды пальто.
Этот сон наяву будет длиться и длиться...
Из поэзии в жизнь не вернется никто!